

Моим друзьям-ролевикам с благодарностью за те далекие уже дни, когда сказка становилась реальностью, а реальность напоминала сказку

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Сегодня ночью мне опять снилась пустыня. Гигантские барханы, то ли стволы, то ли стебли скудной местной растительности, словно скрюченной приступом непереносимой боли, поднимающаяся от горизонта стена очередного урагана... Черепа и кости неведомых исполинских созданий, полужансенные песком. И этот песок, он везде и всюду. Песок режет глаза, скрипит на зубах и в сочленениях доспехов, забивает горло и не дает дышать. Песок белый, песок красный, песок черный.

Я открыл глаза и долго лежал в темноте, жадно глотая прохладный ночной воздух. Протянул руку, задел стоящий рядом с ложем серебряный кубок с вином. Тот упал, с грохотом покатылся по полу. Металлический лязг отозвался болью в голове, но я уже нащупал расположившийся чуть дальше кувшин, отхлебнул раз, другой, плеснул себе на голову. Полегчало, но не сильно. Плохо, когда ночью начинает сниться пустыня, очень плохо. Даже родниковая вода не спасает. Я поднялся, подошел к окну. Тупо посмотрел на кубок, лежащий на полу в луже вина. Воды в кувшине не осталось, а жаль. Но в замке и без того слишком много шепчутся о моих привычках. Повелитель не должен пить воду, как презренный простолюдин, Повелитель по ночам должен хлестать вино, и лучше, если не кубками, а кувшинами или даже целыми бочонками, вот это достойно уважения и зависти. Особенно среди тех, у кого вино на столе не слишком частый гость. В свое время я приказал ставить мне в спальню кубок с родниковой водой, но слуги стали приносить по два кубка, с водой и вином. Кубки в темноте постоянно путались, и я, смирившись, приказал подавать на ночь кроме

вина еще и кувшин с чистой водой. Якобы для умывания. Несколько раз это спасало меня от яда. Отраву Владыкам здесь подмешивают именно в вино или, в крайнем случае, в густой местный эль, водой отравители брезгуют. Могу лишь порадоваться этому. Отравить меня сложно, но и пить зелья, зачастую усиленные магией, удовольствие тоже невеликое, даже для меня. Кстати, где мои верные слуги, почему никто не явился проверить, что за грохот в спальне Повелителя? Заснули они там, что ли?

Я прислушался повнимательнее. Нет, не заснули. За дверями моих покоев имело место какое-то непонятное движение. Даже сквозь закрытые двери слышны были далекие еще, но тяжелые шаги, гулко отдававшиеся в коридорах Цитадели. Идущие явно не слишком старались соблюдать тишину. Впрочем, диких воплей и лязга оружия я тоже не услышал, значит, это не нападение. Даже жаль, после такого сна с удовольствием размялся бы с мечом в руке.

В дверь решительно постучали и, не дожидаясь моего ответа, открыли ее. Это плохо, такое всегда означает только одно. Случилось что-то настолько серьезное, что времени на придворный этикет просто не осталось. В обычных случаях дождался бы моего разрешения войти. В коридоре, озаренном светом факелов, виднелось несколько фигур, но в спальню медведем пролез лишь Рон, глава моих телохранителей.

— Гонец с северного берега, Повелитель! Прости, Владыка, что прерываем твой сон, но гонец говорит, что у него срочные вести, которые не могут ждать до утра! Впустить?

Я молча кивнул. Стоявший в коридоре закутанный в широкий плащ человек вышел вперед, коротко поклонился, но не сказал ни слова, пока стражники не закрыли за Роном дверь. И правильно, привез вести для Повелителя — нечего с ходу орать о них на весь замок. Мою стражу я этому выучил, но гонец не из здешних, так что молодец. Надо парня взять на заметку, но сначала послушаем, что за вести он привез.

— Нападение, Повелитель! Четвертый Коготь уничтожен, никто не спасся.

Я присвистнул от удивления. Когтями северяне называли сторожевые башни, охраняющие подходы к моим землям со стороны Холодных морей. Такие башни всегда возводили на скалистых мысах, надменно возвышающихся над вечным буйством морской стихии. С высоты птичьего полета действи-

тельно похоже на каменные когти, в клочья пены рвущие одну свинцовую волну за другой.

— Сам видел или сказал кто? — хмуро поинтересовался я у гонца.

— Сам. Там камень словно бы горел, башня рухнула, от стен осталась только груда камней, да и те вроде оплавились. Не знаю, но думаю, без магии не обошлось. Ни гонцов, ни огненных сигналов не было. В середине ночи полыхнуло зарево на полгоризонта — и все. Утром отправили конный отряд из Торберга, но мы никого не застали, а крепость словно великан развалил по камешку. При простом штурме так не бывает.

Даже так! Значит, кто-то решился развязать со мной очередную войну? Смело. Рискованно, но смело, потому, может, и сработало. Признаться, я не ждал сейчас нападения со стороны северных вод. Эльфийский флот давно не появлялся в Холодных морях, а обычным пиратам Когти не по зубам. Ну что же, будем разбираться. Я подобрал с пола и кинул гонцу злосчастный кубок. Парень, просияв, поймал дорогую вещь на лету. Ничего, он заслужил. Мне эта посуда в ближайшее время точно не понадобится. Рывком я распахнул дверь.

— Собрать военный совет и магов замка! Стражу на стенах усилить, с рассветом конными разъездами проверить окрестности.

Плохо, когда ночью снится пустыня.

ГЛАВА 2

Закутавшись в плащ, я стоял на скале, гордо возвышавшейся над морем, и мрачно смотрел на волны, бьющиеся о ее гранитное подножие. Со стороны моя фигура, вероятно, тоже смотрелась гордо возвышающейся и над скалой, и над волнами. И даже могла внушать окружающим что-то такое... Да, вероятно, могла. Вот только вместо моей героической фигуры здесь должна была стоять столь же мрачная, но прочная и надежная башня, окруженная высокой каменной стеной. Тот самый Четвертый Коготь. Гонец не соврал: крепость была буквально стерта с лица земли. Раскатилась на камешки в самом прямом смысле слова. Не то чтобы исчезла совсем бесследно, но опознать в этой куче камней башню теперь было сложно. Остатки стены кое-где сохранились, но тоже в осыпавшемся, изрядно закопченном и довольно жалком виде. Я пнул было

подвернувшийся камень ногой, однако затем наклонился и подобрал его, решив рассмотреть поближе. Снял перчатку, пытаюсь прочувствовать душу камня. Интересно, гномы до сих пор думают, что слушать камень умеют только они? Впрочем, этот булыжник молчал, как тот же гном на допросе. Вообще ничего — и это странно. Я, конечно, не гномьих кровей, всех оттенков могу и не разобрать, да и камень обычный, не магический. Но все же вот так, чтобы вообще ничего не ощущать... То есть не то чтобы ничего — тяжесть увесистой каменюки в руке ощущалась весьма отчетливо, но все это было не то. Я разочарованно запустил не оправдавшим надежд камнем в остатки ближайшей стены. Раздался треск, посыпались осколки. Сзади восхищенно выдохнула моя охрана. Что за фокусы? Владыка должен быть велик и силен, чего и вам желаю, но тягаться мощью с осадными катапультами я вроде не умел. А теперь, значит, научился? Для проверки я запустил в стену еще один камень. Глухой удар, треск — камни осколками посыпались вниз. Выходит, не почудилось. Я подошел поближе к каменной осыпи, подобрал обломки разлетевшегося валуна. Камень как камень, осколки как осколки. Правда, чтобы гранитный валун вот так, с треском разлетелся при ударе, необходимо приложить к нему изрядные силы или магию. Но беда в том, что здесь не было никаких следов магии. Уж это я проверил первым делом, едва мы соскочили с коней. Не хватало еще с ходу влететь в магическую ловушку. Но ловушек не оказалось, ни магических, ни простых. Следов заклинаний, как темных, так и светлых, я тоже пока не ощущал. И не только я. Со мной приехало двое магов, причем каждый притащил с собой по ученику. Один волшебник сейчас стоял над небольшим костерком, читая заклинания из фолианта, который держал перед ним его ученик. В конце каждой фразы голос мага становился необычайно низким, костер послушно вспыхивал, и маг капал в него несколько капель из флакона в металлической оправе. Этих флаконов у него была целая сумка, и он, похоже, решил избавиться от всех. Толку от его заклинаний пока не было, разве что коню на обратном пути станет легче. Особенно если они с учеником и фолиант свой сожгут.

Второй маг от помощи ученика отказался, обвешался амулетами, как елка шишками, и бродил кругами у подножия холма. Пользы от его хождений тоже пока не наблюдалось. Остальные всадники из моего отряда были воинами из замковой стражи. В магии они не разбирались, так что просто выслали в

разные стороны несколько дозоров и теперь отдыхали после долгой скачки. Лошадей тоже пока не расседывали, просто водили по кругу, давая остыть. Некоторое время за мной ходили трое телохранителей во главе с Роном. В итоге они мне надоели своим сопением и топотом, и я отослал их к остальным. Впрочем, далеко они не ушли, всем видом показывая готовность в любой момент броситься на защиту Повелителя. Знать бы еще, от кого защищаться.

Гонец был прав и по поводу штурма. Никаких следов обычного нападения я не видел. Не приставали к берегу внезапно вынырнувшие из ночного мрака корабли, с их палуб не летели заряды корабельных баллист, не прыгали на берег вражеские бойцы с штурмовыми лестницами и осадными щитами под прикрытием стрелков и боевых магов. Конечно, волшебник высокого уровня легко может выбить магией ворота или проломить участок стены. Особенно если использовать загодя приготовленные амулеты. Но боевая магия — вещь довольно грубая, она всегда оставляет следы, которые не замаскируешь и не спрячешь. Времени с момента разрушения крепости прошло немного, эти следы мы обязательно обнаружили бы.

Дракон? Рухнувший с неба крылатый ящер мог сжечь лучников на стенах, мог через бойницы выжечь гарнизон башни, но зачем ему разносить всю крепость по камешку? И главное — откуда здесь дракон? Боевой, обученный, потому что дикий, объявись он внезапно посреди Пустошей, скорее полетел бы охотиться на оленей или утащил бы пару овец. Кроме того, диких или обученных, этих крылатых тварей на Севере уже давно не видели. Да и не только на Севере. Для большинства ныне живущих рас и народностей драконы остались героями страшных сказаний. Сейчас можно встретить лишь их черепа и шкуры в парадных залах самых древних замков. Говорят, драконы еще встречаются далеко на Востоке. Но мало ли что говорят про Восток! Путь туда лежит через Великую пустыню, пройти через которую рискуют немногие. Слишком просто там сгинуть, добавив свои кости к костям таких же неудачников. Так что не думаю, что большинство тех, кто говорит о драконах Востока, видели их на самом деле.

Удача улыбнулась мне лишь под вечер, когда маги давно завершили свои ритуалы, так ничего и не обнаружив. Я сам еще раз поднялся на вершину каменной кучи, постоял и уже собрался спускаться вниз, к своему отряду. У подножия разрушенной башни виднелся полузасыпанный каменный свод.

Скорее всего, дверь в подвал или на нижний этаж башни. Не главный вход, боковой. Сама дверь не уцелела, но вот полукруглая арка из крупных тесаных блоков из местного гранита сохранилась. Хоть и была примерно наполовину завалена обломками. Спускаясь по каменной осыпи, я, сохраняя равновесие, схватился за один из блоков рукой. Арка выстояла при разрушении башни, и, вероятно, поэтому камень все же откликнулся. Будь на моем месте кто-то из подгорных мастеров-гномов, он, наверное, сумел бы точно сказать, как и от чего рухнула башня. Я же почувствовал лишь мимолетное касание обжигающего пламени. Странное пламя, совершенно не похожее ни на обычный огонь, ни на огненную магию. Но при этом настолько яростное и жгучее, что неудивительно, что здешние камни разлетаются на осколки, словно стеклянные. И еще было в этом пламени что-то неуловимо знакомое, с чем я уже сталкивался, пусть и невообразимо давно. Так и не поняв, что же это такое, я сжал камень рукой, пытаюсь поймать ускользающее ощущение. Увы, моего толчка хватило, чтобы арка зашаталась, как последний умирающий воин на поле брани, и рухнула.

Меня обдало облаком пыли, я торопливо нагнулся, схватил один из раскатившихся блоков, но вновь ничего не ощутил, кроме холода и тяжести обычного мертвого камня. Я понял, что больше здесь ничего не добыю, и начал спускаться к бегущим навстречу телохранителям.

ГЛАВА 3

Мы возвращались в Черный замок. Подковы коней стучали по каменистой земле Пустошей в такт моим не слишком веселым мыслям. Местность вокруг этим мыслям вполне соответствовала. Северными Пустошами называли весьма обширные равнины, лежащие в северо-восточной части материка. Говорят, что некогда они были плодороднейшими землями, на которых кипела жизнь. Но в ходе Войны Древних — великого столкновения прежних, ныне вымерших рас под предводительством забытых уже богов, когда единый материк разорвало на несколько частей, здешние равнины были выжжены божественным небесным огнем вместе со всеми сражающимися. С тех пор они так и остались пустынными землями, омываемыми волнами Холодных морей. Селились здесь в основном

на побережье — море давало возможность добыть пропитание и на южных границах Пустошей, где более мягкий климат позволял собирать хоть какие-то урожаи. Каменистые земли самих Пустошей не способствовали земледелию: чем дальше к северу, тем беднее была растительность. Леса, густые и полные жизни на юге, здесь редели. Лиственные породы деревьев постепенно сменялись хвойными, а дальше к северо-востоку деревья вообще исчезали. Лишь тамошняя карликовая береза сумела приспособиться и продолжала упрямо расти по холмам среди валунов и густых северных мхов. Правда, под злющими ветрами она превратилась в узловатый скрюченный кустарник чуть выше колена, мало напоминающий своих стройных южных родичей.

Но даже сейчас совсем уж безжизненными пустынями Пустоши все же не были. Здесь кочевали стада диких оленей, мохнатых северных овцебыков и исполинских лосей, за которыми неотступно следовали волчьи стаи. В холодных, мелких, но многочисленных озерцах, ручьях и речушках водилась рыба, по берегам — птица. В горных пещерах можно было наткнуться на исполинских медведей, чьи огромные клыки столь ценились орками, также населяющими здешние земли и живущими охотой на местное зверье, набегам друг на друга и на людские поселения на побережье. Забрехали в Пустоши и твари поопаснее. О них даже бесстрашные северяне, не боящиеся ни орков, ни эльфов, предпочитали не вспоминать после заката солнца. И далеко не всегда это были просто страшные сказки.

В этом мы убедились, отъехав от разрушенной башни всего лиг на десять. Местность вокруг была довольно открытая, и шесть движущихся точек мы заприметили издали. На скаку воины перестроились из походной колонны в две линии, передние всадники уже склонили копыта для атаки. Задние отстали на два-три лошадиных корпуса, готовясь поддержать товарищей. Со мной и магами остался десяток телохранителей, окруживших нас со всех сторон.

Отряд шел легкой рысью, стараясь сохранить силы коней для последнего рывка и копеейной сшибки. Замеченные точки приближались. Теперь они не двигались, а замерли на месте и практически ничем не отличались от окрестных валунов, в изобилии лежащих вокруг. Не заметь мы их раньше, сейчас легко могли бы проехать мимо, не обратив на них никакого внимания. Но мы их заметили. Ощетинившаяся остриями ко-

пий конница неслась вперед, не думая останавливаться или сворачивать, и «валуны» снова задвигались. Они начали вставать с земли и поднимать в знак приветствия руки. Я выехал вперед и, присмотревшись, приказал перейти на шаг. На этот раз оружие не понадобится. ...Скорее всего, не понадобится.

Перед нами стояли шесть довольно крупных северных орков. Они сильно сутулились, но все равно ростом не уступали обычному человеку. Зато шириной плеч зеленокожие превосходили практически любого в моем отряде, кроме меня, Рона и еще пары северян. А по сравнению с выступившим вперед вожаком мы все казались худосочными юнцами. Внушительные клыки, торчавшие из пасти, заплетенные в косы черные жесткие волосы и внимательные поблескивающие глазки, казавшиеся на крупных орочьих головах слишком маленькими. Одеты все были в обычные для орков Пустошей летние кожаные куртки без рукавов и штаны, дополненные кожаной же обувкой. Легкой, охотничьей, с мягкой подошвой. Поверх курток все орки носили охотничьи накидки до колена, обшитые лоскутами кожи и вываренными в отварах местных трав полосками грубой ткани. Такая одежда делала лежащего или ползущего орка практически незаметным для чужих глаз, но не сильно стесняла в движениях. Очень удобно подползать к пасущемуся стаду оленей. Или, например, к зазевавшемуся часовому. Кстати, не слишком ли много у них с собой оружия для простой охоты? Кроме подобранных с земли копий и торчавших из-за плеч коротких луков с натянутой тетивой, у каждого из орков имелся колчан со стрелами, круглый щит, обтянутый шкурой, топор или тяжелый однолезвийный тесак. Ковка грубая, работа племенного кузнеца, гномы при одном взгляде на такое просто плевались. Но даже самые грубые орочьи клинки обычно были хорошо заточены и в сочетании с силой орка представляли серьезную угрозу для противника. Скорее всего, еще пара тесаков или ножей меньшего размера висела у каждого под накидкой — на поясах или перевязях. Топор предводителя был гораздо богаче, явно гномьей работы. Длинное древко давало возможность рубить и одной, и двумя руками, вытянутое хищным полумесяцем лезвие уравновешивалось с другой стороны длинным рогом-пробойником, легко проламывающим тяжелые доспехи. Кубическое навершие рукояти, некогда позолоченное, а теперь тщательно замазанное сажей, чтобы не выдать владельца случайным блеском, разме-

рами напоминало булаву и было увенчано граненым шипом. Серьезное и редкое в Пустошах оружие. Еще у этого орка имелся меч, висевший в ножнах за спиной. Клинка не было видно, лишь торчала над плечом рукоять в четыре орочьих лапы с крупным тяжелым кольцом на конце. Рукоять, кстати, изрядно захватанная, видно, что не раз была в деле. Я уже встречал такие клинки. Оружие избранных бойцов-поединщиков, перехват по рукояти дает возможность изменять дистанцию боя, а при хвате за кольцо позволяет на равных соперничать с алебардой или глефой. Владение таким мечом требует изрядного проворства и умения, которого обычно не ждут от орков, славящихся в первую очередь силой. А под накидкой у владельца этого арсенала, похоже, очень неплохой доспех из прочных металлических пластин, соединенных кольчужным плетением. Присмотревшись, я обнаружил доспехи еще на троих орках. Правда, попроще, пластины этих доспехов были просто наклепаны на толстую кожу. Обычный доспех северных орков, неплохо защищающий своего владельца в бою, но совершенно бесполезный на охоте.

— Приветствую, Владыка людей черного железа,— пророкотал вожак. Говорил он на всеобщем наречии, которое орки использовали при общении с людьми.— У меня есть мясо, хочешь нашей еды?

По орочьим меркам это была любезность, правда, приправленная легкой насмешкой. Уважающий себя охотник Пустошей никогда не унижит себя поеданием мяса, добытого не им. Иначе он не охотник, а слабая и бесполезная тварь, которую можно накормить, а потом пнуть и отправить работать. Исключения делались только для совместных пиров, на которых сходилось все племя, или для почетных, но слабых гостей. Типа, например, меня.

— Приветствую, Большой Ханг с Каменной реки, — ответил я. — Мы не едим мясо из чужой добычи. Однако далековато ты зашел. На кого тут охотишься, на морошку? И почему ты в доспехах, ягода нынче хищная пошла?

Тоже шутка, по орочьим, разумеется, понятиям. Ягоды у орков собирают лишь дети и женщины, пока мужчины на охоте. Вожак гулко захохотал, показывая, что оценил мой юмор. С орками вообще не стоит много шутить, они могут не понять шутки и схватиться за оружие. Успокаивать их потом себе дороже. Но с племенем Каменной Реки, обитавшим в пещерах в двух днях пути от Черного замка, у меня давно были хорошие

отношения. Соседи не нападали на нас без повода, а я старался им поводов не давать. Вдобавок орки Каменной Реки среди окрестных племен слыли острословами, любящими и умеющими пошутить. Пример такой шутки, отсмеявшись, сопел сейчас передо мной. Вождь племени произвел на свет четырех Хангов, выбором имен явно решил себя не утруждать, а остальное племя, чтобы различать отпрысков, называло их, если перевести с орочьего, «Большой», «Не-Большой» и «Малыш». Четвертого сынка к началу моего знакомства с этим кланом задрал медведь, но троих братцев я повидал. Ханг Не-Большой на голову выше и крупнее этого громилы. Размеры Малыша представьте себе сами.

— Ягода обычная.— Отсмеявшись, Ханг нахмурился, вспомнив наконец, зачем он здесь оказался.— Трольль объявился. Двоих сожрал и ушел. Отец сказал: «Найди и голову принеси». Третий день по следам идем. Хочешь с нами?

Среди конников за моей спиной прошел ветерок перешептываний. Я понимал их. Бродячий тролль — это серьезно. Крупные безобразные твари, вечные странники, они двигались по Пустошам в поисках своих, только им ведомых целей. Жили охотой и собирательством, пожирали по дороге все, что могли добыть. Их вечно терзал голод, и, обнаружив на своем пути следы людей, гномов или орков, тролли редко упустили возможность сожрать одного-двух неосторожных двуногих.

Мудрецы всех рас до сих пор спорят, являются ли тролли разумными и откуда вообще они взялись в этом мире. Речь тролли не владеют, ремесел не знают, из орудий пользуются лишь огромными дубинами. Магией они тоже не владеют, но взамен всего этого раса обладает странными, присущими только ей способностями. Так, троллей невозможно обнаружить с помощью нашей магии. Огромные и неуклюжие на вид, они при желании могут двигаться очень быстро, чрезвычайно ловко прячутся и почти не оставляют следов. Шкуру их плохо берет обычное оружие, а полученные раны, даже очень тяжелые, тролли необычайно быстро залечивают. Сила делает их грозными противниками в ближнем бою, и практически любое столкновение с ними оканчивалось смертью для нескольких их врагов. Словом, Большому Хангу и его бойцам предстояла нелегкая задача. Но и орков я понимал. Тролли, при всей своей тупости, памятьливы и, если их не уничтожить, могут возвращаться за добычей снова и снова. Пока не сожрут всех. По-

этому орки будут гнать тварь, пока не догонят и не прикончат. Но сегодня это не моя охота.

— Удачной охоты тебе, Большой Ханг, — сказал я и тронул коня.

Расставшись с отрядом Ханга, я выбросил орков из головы. Бродячий тролль опасен для всех, и в другое время я бы, возможно, присоединился к охоте на опасную тварь, но сейчас у меня были другие заботы.

Мы продолжили путь к Черному замку. Так все называли его уже много веков, хотя абсолютно черной в замке была лишь Цитадель — гигантская башня в самом его центре. Три кольца стен и их башни были сложены из самых обычных тесаных блоков из местного гранита темно-серого цвета. Если замок чем-то и отличался от прочих крепостей и замков, то только размерами. Черный замок давно уже перестал быть собственно замком и разросся до небольшого города. Место для него было выбрано необычайно удачно. Горную цепь, тянущуюся с севера почти от самых берегов Холодных морей далеко на юг, здесь прорезало единственное удобное для прохода и проезда ущелье. Чтобы перейти горы, минуя ущелье, надо было долго двигаться сначала на юг, а затем на восток. Лишь там непрерывная стена мрачных горных пиков постепенно уменьшала высоту и распадалась на отдельные скалы, открывая проходы между ними. Но путь этот был нелегок, зачастую опасен и занимал много дней. За что хребет и заслужил среди людских племен название Долгих гор. Гномы называли их Каменным поясом, утверждая, что на самом деле горная цепь — это остатки пояса одного из первых гномьих праотцов. Пояс был сброшен бородатым праотцем в запарке во время жаркой работы по выковыванию этого мира под руководством целого сонма столь же бородатых гномьих богов, на основании чего нынешние гномы считают своим все, что находится в этих горах и под ними, ничуть не смущаясь возможными размерами своего праотца, обладавшего поясом такой длины. Орки Пустошей называют все горы просто «горами», расщедрившись на особые названия лишь для нескольких наиболее приметных или известных вершин. А эльфы после нескольких не слишком удачных для них военных кампаний нарекли гряду Горамы Тьмы. Только как их ни называй, а горы высокие, большинство здешних перевалов почти круглый год — непроходимы из-за вечных снегов. Вставший в ущелье Черный замок надеж-

но закрыл пути любым незванным гостям и не раз останавливал пришедшие со стороны заката вражеские армии. Цитадель же являлась самым старым строением моей твердыни и по праву считалась ее сердцем и одним из самых таинственных мест на Севере. По преданиям, Цитадель воздвигли боги, наравне с прочими расами сражавшиеся друг с другом в той самой Войне Древних. Знания о том, кто именно из этих божеств воздвиг Цитадель и для каких целей, были давно утрачены, и башня являлась для всех нынешних рас и народов неразрешимой загадкой. Даже гномы, знающие сотню способов обработки камня, при виде стен Цитадели разводили руками, а потом долго ругались в бороды. В отличие от остальных замковых сооружений стены Цитадели были сплошными, словно башню вырезали из одного немислимых размеров камня. Ни одного шва или стыка между камнями, ни одного даже самого крошечного следа работы инструментов. Гладкими, словно отполированными до зеркального блеска, были стены, полы и потолки здешних залов и переходов. Мрачная и зловещая красота подавляла любого, кто попадал сюда, не важно, по собственной воле или насильно. Жить здесь постоянно отваживались немногие. Даже ближайшие мои сподвижники предпочитали помещения в других, более скромных, но привычных строениях. Кроме моих личных покоев, тронного зала и еще нескольких чертогов, в которых проходили крупные пиры или большие советы, помещения Цитадели ныне оставались нежилыми и предназначались для хранения наиболее ценных и опасных предметов, в первую очередь магических книг, амулетов и оружия. Имелось здесь еще несколько потайных залов, о которых знали немногие, а бывали в них единицы. Большинство же обитателей Черного замка о существовании этих помещений и о том, что в них находится, и не подозревали. Признаюсь, порой я им даже завидовал.

Дальнейший наш поход проходил без происшествий. Лига за лигой ложились под копыта коней, дорога вилась между холмов, поросших то суровым ельником, то светлыми высокими соснами. Потом холмы кончились, снова начались россыпи валунов и болотца, покрытые густым ковром мхов. Порой невысокие горные кряжи упрямо лезли из-под земли, порой дорога шла вдоль быстрых мелководных речек, шумевших на перекатах. От них веяло холодом даже коротким северным летом.

Красивая, но холодная и не слишком приветливая местность. Но все же это были мои земли, где я считался полновластным господином. И отвечал за все, что здесь происходит. Похоже, что на Севере вновь начинается война, причем непонятно, кто на этот раз мой главный враг. Уж кого-кого, а врагов у меня всегда хватало. Проще сказать, кто мои друзья и союзники. Проще потому, что друзей у Владыки Черного замка и Повелителя Тьмы нет. Да и союзников можно по пальцам пересчитать.

Светлые, объясняя, почему с главным злом этого мира в моем лице до сих пор не покончено, обычно упирали на то, что мои воины тупы, но многочисленны. Причем многочисленны настолько, что любая атака даже самых величайших Светлых воителей просто захлебнется, увязнув в трупах моих бойцов. За бесконечные столетия войн и стычек бывало, конечно, и так, но в целом далеко не все обстояло столь хорошо. Как я порой утверждал, мои бесчисленные Черные легионы в основном состояли из меня самого. Шутка, конечно, но шутка горькая. Я не Творец и создавать себе разнообразных помощников в необходимых количествах просто не могу. Вот и приходится обходиться тем, что есть под рукой. А выбор небогатый. Во-первых, это те же орки, мои верные многочисленные рабы и слуги. Так говорят Светлые лорды Закатных земель, а проще говоря — нынешние эльфийские Владыки, возглавляющие наиболее влиятельные эльфийские рода. С самими орками Перворожденные не разговаривают принципиально, а жаль. Сказали бы они в глаза самому последнему орку, что он чей-то там раб или хотя бы слуга, сразу бы схлопотали тесаком промеж золотых бровей. У северных орков слово «раб» вообще применяется только по отношению к захваченным в плен людям или гномам. Орк Пустошей рабом быть не может, а эльфов они в плен просто не берут, что, впрочем, взаимно. Слова «господин» у них в языке тоже нет. Есть «вождь», или, если перевести дословно, «сильный». Ему подчиняются по праву силы, он водит более слабых соплеменников на охоту или в набеги и делит добычу. Если набег неудачен, вождя могут зарезать и съесть. Не пропадать же добру. А их более развитые южные сородичи предпочитают просто зарезать вождя. Именно из таких вождей-неудачников, сбежавших от гнева прежних соратников, и состоят шайки бродячих орков, наводящих ужас на Пограничье, земли между моими владениями и Великой Степью. Они одинаково опасны для караванов гномов, людских поселений

или стойбищ степных орков. Изгои не жалеют никого, дерутся до последнего, и справиться с такой шайкой очень сложно. Но и обычные орки не подарок. С большим трудом мне удалось вколотить в головы северных орков хоть какое-то почтение к своей особе. Но даже сейчас, в глаза называя меня Повелителем, они подразумевают, что я повелитель лишь в своем Черном замке, а им, вольным орочьим племенам Севера, в лучшем случае союзник. С южанами дело обстоит еще хуже. Вообще орочьих племен в нашем мире довольно много, но все они делятся на северных и южных и отличаются друг от друга даже внешне, цветом кожи. У северных орков она заметно темнее, а сами северные орки — крупнее. Мой приятель Ханг и его братцы как раз из таких. Клань северян малочисленны, живут, как я уже говорил, в основном охотой и зверо- а так же людо- и гномовством. Ну и друг друга при случае могут схарчить. Особенно почетно закусить каким-нибудь вождем или великим воином соседнего племени. Нравы суровые, но жизнь в Северных Пустошах вообще не слишком легкая штука. Здешние обитатели, как разумные, так и не очень, постоянно сталкиваются друг с другом в борьбе за подходящие для них места обитания. Нет, земли здесь много, но вот удобней, способных прокормить в течение долгого времени даже небольшое племя, маловато. Так что свободное от охоты время северные кланы проводят в бесконечных стычках друг с другом. Но для войны нужно войско, а войско это надо содержать, вооружать и кормить. Понятно, что ни один, даже самый крупный по меркам Севера, клан не в состоянии делать это постоянно. Здешние зеленокожие с блеском выкрутились из сложного положения. В каждом клане есть несколько бойцов, которых кормят остальные сородичи. В орочьих диалектах существует несколько названий для таких бойцов, что-то типа «воин-грабитель, который ходит за добычей везде». «Грабитель» — это совсем не ругательство, а наоборот, показатель степени восхищения. Воин должен сражаться за добычу, иначе зачем вообще воевать? На всеобщем языке таких орков называют рейдерами. Вся их, как правило, не слишком длинная жизнь посвящена войне и только войне. Любо́й орк с детства знаком с оружием и умеет им пользоваться, но что это за оружие? Копье и лук со стрелами, равно пригодные для охоты и набега. Дубины с шипами, тяжелые топоры, тесаки и ножи грубоватой работы местного кланового кузнеца. Есть деревянные щиты, обтянутые кожей, да доспехи из той же кожи, только дубленой и усиленной порой

стальными пластинами. Рейдеры же в походы таскают с собой приличных размеров арсенал из нескольких копий, клинков и топоров самых разных форм и размеров. Огромной популярностью пользуются метательные булавы, а также тяжелые шипастые гири на цепях. Обычно доспехи и шлемы рейдеров — гораздо более искусной работы, чем у рядовых соплеменников. Кожаные, столь обычные для рядовых орков, зеленокожие воины не жалуют. У них доспехи из металла, причем отменнойковки, чаще всего — неслыханное дело — сделанные на заказ. Поножи и наручи тоже из металла, так же как и щиты. Не брезгают племенные богатыри и трофейным оружием, выбирая из общей добычи экземпляры потяжелее и побогаче. А так как таскать все это на себе тяжело даже могучим северным оркам, они уже давно ездят в бой на колесницах, запряженных косматыми северными быками или лосями. В легендах и преданиях эльфов о славных битвах прошлого упоминаются порой орки, мчащиеся в бой на шерстистых носорогах. Когда-то такие рейдеры у орков действительно были, но сейчас они встречаются очень редко. Спору нет, врезающийся в строй врагов северный носорог страшен. Обычные стрелы, дротики и даже копыя его шкуру, покрытую густой спутанной шерстью, не берут, да и попробуй останови эту тушу, когда она разгонится! А тут еще сидящий на спине чудовищного зверя орк, дико орущий и размахивающий какой-нибудь тяжелой железкой. Но, к счастью для противников орков, носорогов на равнинах, что лежат северо-восточнее Пустошей, осталось мало, мамонтов и то больше. Взрослый носорог дрессировке не поддается, надо ловить детеныша. А потом долго с ним возиться, выращивая из неуклюжего бочонка могучего злобного зверя. И это с учетом того, что терпение вообще не самая характерная черта орков, а особенно рейдеров. А когда орки наконец сообразили, что колесница способна везти гораздо больше оружия и добычи, чем самый большой носорог, рейдеры-всадники вымерли естественным путем. Остались лишь единицы, упрямо следующие обычаям предков. Но в бою с ними лучше не встречаться.

Южные племена орков, населяющих Великую Степь, среди прочих рас известны под общим названием Орда. Они гораздо более многочисленны и уже познали вкус цивилизации. В отличие от Севера, где каждый клан владеет своей, пусть небольшой, но постоянной территорией, племена южных орков передвигаются по всей степи, нигде особо не задерживаясь. Их многочисленные стада требуют все новых и новых пастбищ,

так что южане веками ведут кочевой образ жизни. Ремеслами они особо не занимаются, предоставляя это рабам. А сами южные орки, как и их северные родичи, предпочитают проводить время в войнах и набегах. Орда налетает подобно степному вихрю и так же стремительно исчезает. Кстати, что бы там ни рассказывали в сказках люди, эльфы и гномы, на волках степняки в бой не ездят. Орки для этого слишком крупные твари, а степные волки, наоборот, сильно уступают в размерах своим северным сородичам. Как и сами орки-южане. Так что ездят они на обычных степных лошадях, правда мохнатых, низкорослых и кусающихся так, что любому волку завидно. А волчьи стаи сопровождают орочью орду, ожидая своей доли добычи на поле брани и пепелищах сожженных селений. Обычно орки эти ожидания оправдывают. Учтем привычку степных орков выть во время атаки по-волчьи для устрашения врага, а также то, что многие орки Орды носят волчьи шкуры поверх своих доспехов, — вот вам и орки на волках. Кроме того, если на Севере каждый клан живет, охотится и воюет самостоятельно, то зеленокожие Великой Степи нередко объединяются под рукой сильного и хитрого вождя в мощные племенные союзы. Союзы эти обычно заключаются для больших набегов и прочих совместных действий. Хотя такой союз редко бывает долговечным, но объединенные племена способны выставить достаточно многочисленные отряды. Вот только мне все эти отряды и племена подчиняться обычно и не думают.

Далее идут черные колдуны и некроманты. Мне они тоже подчиняются в основном по словам Светлых. Большинство темных магов одиночки, а в других волшебниках они чаще всего видят лишь конкурентов, только и думающих, как бы завладеть чужим артефактом или амулетом. И, в общем, правильно видят. Магия Тьмы штука мощная, но объединить силы хотя бы нескольких темных магов для создания заклинания нужной силы... Короче, обычно мне приходится пользоваться заклинаниями одиночек. Даже в Черном замке таких магов редко собирается больше двух дюжин, да и то далеко не самых сильных. За века в замке накопилось немало вещей, пронизанных магией, — амулетов, оружия, магических книг и свитков. Лишь возможность изучить эти сокровища заставляет темных волшебников хоть как-то служить мне. Да еще страх перед Владыкой Тьмы. Отступников и предателей я наказываю без снисхождения, слишком уж опасными знаниями они обладают. Но самых сильных волшебников трудно соблазнить или

запугать даже мне. А тем более заставить объединить силы с коллегами. Так что в большинстве своем они сидят каждый в своей башне. Там черные маги составляют заклятия, творят обряды, приносят жертвы и копаются в древних рукописях. Судя по тому, как с завидным постоянством их башни взрываются, проваливаются под землю или просто исчезают, оставляя после себя воронки нехилых размеров или пятна спекшейся выжженной земли, периодически до чего-то интересного маги докапываются. А затем это интересное докапывается в свою очередь до них. Докапывается и закапывает, нередко вместе с башней. А мне приходится следить, чтобы очередной светлый герой не утащил из развалин что-нибудь чудом уцелевшее, но на редкость пакостное и смертоносное. Когда я стоял над развалинами Четвертого Когтя, у меня мелькала мысль: не послужила ли причиной гибели башни волшебная тамошнего мага? Это многое объяснило бы. Но, прикинув все обстоятельства, я со вздохом от этой версии отказался. Ни силами, ни умениями Хьюго де Элорно, маг Четвертого Когтя, не обладал, почему и прозябал в скромной должности дозорного волшебника. А самое главное, даже если его магия послужила бы всего лишь толчком к катастрофе, следы заклинаний Хьюго мы бы обнаружили. Но нет, там было что-то другое, недоступное пониманию обычных людей.

Да, среди моих подданных есть и обычные люди. Не так много, как хотелось бы, но есть. Во-первых, это крестьяне, которые сеют и пахут точно так же, как и земледельцы в Светлых землях. Куда же без них, кушать мы все любим. Но земли пустошей не слишком плодородные, желающих поселиться на них немного. Сельские общины у меня в основном на южных границах, где земля получше. Но и здешних крестьян надо, помимо всего прочего, надежно прикрыть как от лихих баронов Пограничья, так и от местных полудиких племен, которым все равно, кого грабить. Ремесленники и мастеровые, напротив, живут в основном в Черном замке или в нескольких торговых городах на побережье Холодных морей. Нет, конечно, есть у меня и некоторое количество людей благородных кровей — мои знаменитые Черные рыцари, — но как же их мало! К эльфийским Владыкам все эти младшие вторые-десятые сынки так и лезут, а ко мне приходят в основном сыновья тех же баронов Пограничья, традиционно враждующих с королями Запада. Редко, но объявляются наивные мечтатели, придумавшие себе в тиши родительского замка свой прекрасный Чер-

ный мир, а он, как любой придуманный мир, не выдерживает столкновения с грубой реальностью. Чаще, правда, приходят всякие обиженные. Но этим главное — поскорее отомстить и прославиться, на мои собственные планы им плевать со спины единорога. А больше всего у меня выходцев из тех самых полудиких племен с побережья. Северяне-норды — мои любимцы. Отважные воины и умелые мореходы. Верные, храбрые, закаленные в боях как друг с другом, так и с орочьими рейдерами, вдобавок большинство искренне считает меня божеством войны, явившимся во плоти. Но, Тьма меня поглоти, как же с ними поначалу тяжело — с их кровавыми обрядами и жестокими обычаями! Пока их всему научишь, пока объяснишь, что к чему! А людской век скоротечен.

И, наконец, ко мне иногда приходят разнообразные бастарды полублагородных кровей, а то и просто полукровки. Дома их по понятным причинам презирают, от трона отделяет толпа законных наследников, внимательно наблюдающих за нежелательными конкурентами. И недаром! В эльфийских хрониках и людских летописях упоминаются случаи, когда такие бастарды все же всходили на трон, для начала изрядно залив его кровью родственников. Так что бастарду редко удается прижиться во дворце высокородного родителя. Еще хуже приходится полукровкам, детям двух рас. Полуэльфов Светлые еще терпят, гномы с другими расами потомства не дают, а вот полуорку выжить очень сложно. Люди считают его орком, орки — человеком, а гномы вообще всегда верят только гномам. Что мешает подгорному народу вести бесконечные войны между кланами из-за древних, забытых всеми, кроме самих бородатых упрямцев, обид. Эльфы же видят в любых полукровках искажение замысла Творца, а учитывая их гордыню и убеждение в превосходстве собственной расы над всеми остальными, жизнь полуэльфов в эльфийских землях совсем не сладкая. Впрочем, у эльфийских полукровок хотя бы остается возможность осесть в одном из людских королевств, а там при удаче подняться достаточно высоко. Лишь что-то совсем немислимое заставляет таких полуэльфов присягнуть мне. Полуорки в Черном замке встречаются гораздо чаще.

Занятый своими мыслями, я не слишком оглядывался по сторонам. И только когда почувствовал едва уловимое напряжение, прошедшее по рядам нашего отряда, вскинул голову. Навстречу нам скакали трое всадников. Судя по черным доспехам и трепещущему на копье флажку того же цвета, это бы-

ли свои, но, вероятно, вид разрушенной крепости прочно засел в головах у воинов, и сейчас им во всем виделась угроза. Да и про бродящего где-то в окрестных лесах тролля они не забыли. Это не плохо, но надо будет присмотреть за тем, чтобы самые впечатлительные в ночной караул не попали, пока не отойдут. Иначе они из-за каждого шороха весь замок по тревоге станут будить по десять раз за ночь.

Всадники мчались прямо на нас, и я, пришпорив коня, двинулся им навстречу. Какие бы новости они ни везли, лучше будет, если я узнаю их побыстрее.

Мы съехались. Как я и думал, это были посыльные из Черного замка. Старший из них отвесил мне короткий поклон, пристукнув латной перчаткой по вороненому нагруднику.

— Владыка, новости с южной границы. К нам движется посольство орков Великой Степи! Дней через шесть будут под стенами замка.

Вот и южные орки пожаловали. Что же, посольство — это хорошо, слушаем, что они скажут.

— Скачите обратно. Пусть послов встретят и проводят ко мне со всем возможным почетом. Я приму их.

ГЛАВА 4

Орочье посольство прибыло через шесть дней, как мы и ожидали. Никаких неприятностей с ними по дороге, хвала Тьме, не случилось. В Степи любят пышные церемонии, так что к приему посольства все было готово. Конечно, впускать в замок всех орков я не собирался. Бóльшая часть прибывших степняков осталась разбивать временное стойбище под стенами замка, а в ворота торжественно въехали трое главных послов в сопровождении десятка зеленокожих громил, увешанных таким количеством оружия, что его хватило бы, чтобы вооружить полусотню обычных бойцов. Я незаметно наблюдал за посольством из неприметной бойницы, пытаюсь понять, что привело орков ко мне именно сейчас. Понималось плохо. Во-первых, мои мысли все эти дни занимала разрушенная башня. Я до сих пор не мог понять, кому такое под силу и зачем это нужно. Во-вторых, дети Великой Степи вообще не слишком склонны мотаться ко мне со всякими там посольствами. Короли Запада, искренне считающие степных орков моими верными рабами и союзниками, никак не могли пове-

речь, что Орда жила по своим законам и бóльшую часть времени прекрасно обходилась без меня. Так что орочьи посольства ездили ко мне нечасто. Обычно такое случалось, либо когда степняков за их прошлые дела слишком сильно прижимали, либо накануне большой войны, чтобы договориться о совместных действиях. Скорее всего, именно об очередном совместном выступлении со мной сейчас и хотели поговорить. Слухи о подготовке крупного похода доходили до меня давно. В Великой Степи стояло относительно затишье перед очередной бурей. Некий вождь одного из племен орков по имени Глуум, прорвавшийся к власти по трупам неудачливых соперников, постепенно, когда силой, когда хитростью, стягивал под свою руку окрестные племена. Младший сын одного из племенных вождей и какой-то безымянной орчанки из числа его многочисленных наложниц, Глуум, у которого, по слухам, была с рождения повреждена нога, поначалу не считался достойным претендентом в вожди племени. Этому орку повезло, что его вообще оставили жить, а не выкинули младенцем умирать в степи. Калек в Орде не жаловали, но, видимо, тот год был удачным на добычу. Глуум выжил и сумел компенсировать свой физический изъян умом и коварством. Хромой орк не только смог выжить в племени, не слишком заботившемся об увечных, но и научился управлять другими, оставаясь в тени. Сидевшие на троне вожди гибли один за другим, их место занимали новые, а Глуум внешне оставался в стороне от межусобиц родичей. Орда уважает воинов, и Глуум научился превосходно владеть ятаганом и саблей, невзирая на поврежденную ногу. Мало кто из его противников мог ожидать от хромого калек такого умения и скорости. Глуум прыгал на соперников с быстротой атакующей змеи. И убивал, как змея, быстро и решительно, не давая времени опомниться. Понимая, что в Орде ценят вождей удачливых и щедрых, он одним из первых среди южных орков завел себе боевую колесницу и начал ходить в набеги на ней. Ятаганом и булавой он по-прежнему не брезговал, но славился в первую очередь как великий лучник. О его луке тоже говорили разное. Утверждали, что лук у Глуума совсем не простой, что его стрелы бьют без промаха и пронзают любой доспех, стремясь быстрее напиться крови. Поговаривали, что лук этот создал то ли какой-то великий шаман или колдун, то ли самолично Владыка Тьмы. В колдуна или шамана, наложившего на лук заклятие, охотно верю, но я к глуумовскому оружию никакого отношения не имею. Заняться мне боль-

ше нечем, как для орочьих вождей луки гнуть! Такую честь заслужить надо. Но пока Глуум прекрасно обходился и без моих подарков. В отличие от орочьих бойцов Севера, обожающих ближний бой, степной вождь с колесницы старался лишний раз не слезать, предпочитая в бою расстреливать противника издали. Затем голова поверженного врага отрубалась и крепилась к колеснице, свидетельствуя об очередной победе. Кроме того, Глуум додумался, также впервые в истории орков, использовать отряды наемников из людей и гномов. Конная Орда никогда не любила ударов в лоб, предпочитая изматывать противника внезапными налетами и отходами. Если степняков удавалось вынудить принять ближний бой с тяжелой пехотой или рыцарской конницей, орки, как правило, проигрывали. При Глууме все изменилось. Степное войско перестало бояться ближнего боя. Наемников бросали в атаку первыми, давая возможность коннице Орды выждать, пока враг не ослабеет из-за понесенных потерь, а потом уже самим опрокинуть его одним мощным ударом. Наемные отряды несли огромные потери, но хромой орк платил так щедро, что желающие всегда находились. С помощью наемников Глуум в конце концов и взшел на трон, собственноручно зарезав старого вождя и большинство его приближенных. Резня продолжалась всю ночь, и к утру желающих оспорить власть Глуума над Великой Степью не осталось. С тех пор прошло несколько лет. Орда притихла, случались лишь небольшие набеги или нападения на торговые караваны. Степь напоминала закипающий на огне котел. Вроде тихо, но кто скажет, что там внутри за варево и в какой момент с котла сорвет крышку. И вот, похоже, дождалась.

Тем временем послы и их свита спешили и не торопясь, разминая затекшие от долгой езды ноги, поднялись по каменным ступеням к широко распахнутым дверям в три человеческих роста. Послы зашли в них и в окружении моих гвардейцев скрылись внутри замка. Сейчас их поведут по бесконечным галереям, залам и лестницам, ведущим в Цитадель и ненавязчиво украшенным моими многочисленными военными трофеями. Чтобы прониклись и осознали. Может, и осознают, все же послы. Обычных орков такими намеками не проймешь, они ребята простые и, скорее всего, просто возьмут на заметку, что хватать в первую очередь, если дело дойдет до грабежа. Зато можно не беспокоиться, что кто-то из них попытается незаметно утащить что-нибудь мелкое, но ценное. Ко-

нечно, серьезных магических артефактов я в коридорах не держу, но и того, что можно увидеть по дороге, более чем достаточно, чтобы у многих закружились головы. Гномов, например, я давно уже запретил водить через эти галереи. Горный народ при виде выставленного богатства неизменно терял голову и начинал тыкать пальцами во все подряд, требуя немедленного возврата «украденных реликвий, принадлежащих родному клану и злостно у него похищенных». И напрочь отказывался обсуждать хоть что-то до возвращения затребованных сокровищ. Творений подгорных мастеров у меня действительно хватало, но бородатые коротышки, не краснея, могли объявить своим и эльфийское ожерелье, и людскую корону. Достаточно было заметить знакомый камень, а камни, даже раз увиденные, любой гном опознает и через сто лет. Так что гномы проходили по специально созданной для них отдельной галерее. Создавали ее и украшали тоже гномы, согласно своим вкусам. И теперь провожатым нередко приходилось напоминать очередному бородатому посольству, зачем они здесь оказались. Иначе подгорные мастера так и толпились бы вокруг очередной колонны, обсуждая красоту горной породы и филигранность отделки. С орками в этом плане проще. Орки не крадут, орки берут то, что им нравится, и считают это своим по праву силы. Но чужую силу они тоже уважают и, пока рядом с ними идут мои мечники, лапы будут держать при себе. Особенно если помнить судьбу нескольких слишком тупых или слишком жадных представителей прошлых посольств, за эту жадность и тупость и поплатившихся. Отрубленные головы и лапы вместе с остальными частями тела и оружием честно возвращались посольству, и очередной инцидент считался исчерпанным, благо сами орки не склонны придавать значение таким мелочам. В их стойбищах те же самые порядки. Сумел взять добычу, но не сумел удержать — твои проблемы, нечего было хватать.

Пока посольство вели мимо трофеев Черного замка, я пошел в тронный зал. Там все было готово к торжественному приему. От входа двумя шеренгами выстроились рыцари-северяне в черных доспехах с мечами наголо. За ними толпились пестро разодетые люди из числа моей свиты. Сами по себе они здесь были особо не нужны, единственная польза от них в создании видимости здешнего многолюдства. Никогда не понимал, откуда в замке столько этих бездельников. Спросишь любого, так без его усилий Черный замок давно рухнул бы, сго-

рел или ушел гномам в счет погашения долгов. Словом, все при деле. Правда, эти дела почему-то не мешают им вечно слоняться по замку и путаться под ногами, вот как сегодня. Четверо магов в бесформенных балахонах с капюшонами, напротив, старались не привлекать к себе внимания. Хотя они были единственными, кто сейчас действительно занимался делом. Кроме стражи, конечно. Волшебники встали вдоль стен в специально отведенных для этого местах. Двое поддерживали магический щит, прикрывавший трон и Владыку, двое должны были закрыть тронный зал от весьма вероятных попыток с помощью магии подсмотреть-подслушать, о чем говорят в Черном замке. Здешние маги, как я уже говорил, не самые сильные из темных волшебников. Но зато здесь к их услугам магическая энергия Черного замка. Она обеспечивается амулетом, представляющим из себя огромную пентаграмму, в вершины лучей которой вмуровано пять крупных магических камней. Амулет, как и многое другое в Черном замке, был создан задолго до моего пробуждения и, скорее всего, являлся ровесником самой Цитадели. Зал, на полу которого была высечена пентаграмма, находился в глубине замковых покоев, и допускались в него считанные единицы из здешних обитателей. Чужаки же в нем не появлялись ни разу, по крайней мере, на моей памяти. Хотя желающих хватало. О красоте и мощи магических камней амулета ходило столько легенд и преданий, что отчаянные головы всех рас и народностей вновь и вновь пытались ими завладеть. Даже эльфийские Владыки несколько раз обещали, что отдадут одну из своих дочерей тому достойнейшему из храбрейших, который не побоится и добудет то, чем достойны владеть лишь Светлые лорды Перворожденных, ибо только они... ну, вы поняли. Эльфийки действительно очень красивы, так что достойнейшие время от времени находились. Да и недостойнейших хватало. Правда, никто из них обещанной награды пока так и не получил. Но камни действительно были прекрасны, а мощь заключенных в них сил поражала даже меня. Что уж говорить об остальных. Во всяком случае, гномов туда пускать точно не стоило. Да и большинство сторонних волшебников всех цветов и стихий. Лишь маги замка после долгого и небезопасного ритуала могли использовать часть заключенных в амулете сил. Полную мощь этого творения неизвестного мастера не рисковал использовать даже я. Хотя, как и маги, при необходимости мог черпать из него магическую энергию. Правда, делать это я мог только внутри

Черного замка. Снаружи приходилось надеяться на свои силы или помощь других, не столь великих амулетов. Благо богатая библиотека Черного замка и сокрытые в здешних хранилищах магические раритеты позволяли получать достаточно интересные вещицы. Над созданием и совершенствованием таких трудилось уже не одно поколение здешних волшебников. Часть из полученных талисманов оставалась в арсеналах Черного замка, что-то забирали себе в качестве вознаграждения маги, а не слишком мощные амулеты, обереги и магическое оружие шли на продажу. Конечно, такие товары были строжайше запрещены во всех людских королевствах. Но в каждом королевстве всегда находились люди, считавшие, что им закон не писан. И не счесть, сколько тайных сторонников приобрел Черный замок в обмен на магические диковинки.

Я медленно прошел по залу и поднялся по ступеням на возвышение, где стоял мой Черный трон. Не торопясь, сел, положил руки на массивные подлокотники с литыми драконьими головами. Память о тех далеких временах, когда в тронном зале лежал настоящий живой дракон, готовый нести Владыку в бой с любым врагом в этом мире. С тех пор прошли века, мир изменился и обмельчал. Где теперь все эти драконы? Я крепче сжал драконьи головы и откинулся назад. По телу прошел привычный холодок, рубины в глазницах драконьих голов загорелись красным огнем, и вокруг меня сгустился полупрозрачный с моей стороны морок. Остальные видели сейчас сидящую на троне фигуру в два человеческих роста, закованную в вороненые доспехи, укрытые черным плащом, с бледным челом, увенчанном стальной короной. В общем, типичный Владыка Тьмы, как его себе представляет большинство обывателей. Довольно простая иллюзия, более уместная на сельской ярмарке, а не в моем тронном зале. Но поделаться с этим я ничего не мог. У орков все решают сила и рост, и разговаривать на равных с тем, кто ниже их, они просто не будут. Пока их не побьешь, по крайней мере. Поэтому на троне уже не одно десятилетие восседал огромный морок. Впрочем, иллюзорный Повелитель был достаточно материален, чтобы принять меч от очередного побежденного. Или свиток от того же посла. Мне для этого достаточно было сделать соответствующее движение руками. Саму иллюзию поддерживали магические камни, те самые драконьи глаза-рубины, позволяя не отвлекаться от происходящего в зале. К сожалению, в поездки трон с собой не потащишь, и за пределами Черного замка я вынужден был

довольствоваться ролью своего то ли слуги, то ли советника, являясь всем в своем настоящем облике. С одной стороны, это давало мне больше свободы в общении. Высокородные эльфийские лорды пусть сквозь зубы, но снисходили до разговора со мной как с советником и с послом. Говорить с самим Повелителем Тьмы они не желали принципиально. С другой стороны, для абсолютного большинства коронованных особ советник Владыки все же не сам Владыка. Вот и вертись, как хочешь.

Наконец в противоположном конце зала растворились широкие кованые двери, и орочье посольство вступило в тронный зал. Впереди шел крупный орк в довольно богатой пластинчатой броне и шлеме, украшенном спереди кованым полумесяцем. За ним почти неслышно двигались две закутанные в меховые плащи фигуры. Лишь постукивали по каменным плитам пола длинные посохи, увешанные разнообразными амулетами. По этим посохам и по раскрашенным белой глиной лицам я узнал в этих фигурах орочьих шаманов. Привычной магией орки не владеют, хотя не раз пытались ей научиться. Вместо этого им подвластна своя собственная магия, в основном грубая и разрушительная, основанная на непонятных нам изменениях сил природы. Людские маги, как светлые, так и темные, в свою очередь также не раз пытались овладеть колдовством орков, но тоже не слишком преуспели. Возможно, эльфы, наиболее восприимчивая к магии раса, могли бы здесь разобраться. Но представить себе высокородного эльфа, изучающего что-то орочье... У меня лично воображение отказывало.

Прочие орки держались сзади. По внешнему виду это были обычные воины, скорее всего, приближенные вождя. От бесчисленного множества виденных мною до этого степных орков они отличались лишь чеканным изображением на щитах того же полумесяца, что и на шлеме их предводителя.

Посольство тем временем прошло зал и остановилось в десяти шагах от возвышения с моим тронном и застывшим на нем мороком. Я милостиво кивнул, мол, вижу, приветствую и готов выслушать. Мой иллюзорный двойник, естественно, повторил мое движение.

Стоящего сейчас перед тронном орка я видел впервые. Зеленокожий поднял руки в знак приветствия, показывая, что в них нет оружия и он не собирается нападать прямо сейчас,

а действительно хочет говорить. Очень милый и правильный орочий обычай.

— Я, Гуурваг-аб-Нуур из племени Багровой Луны, приветствую тебя, вождь людей черного железа...

Багровая Луна. Орочьих племен в Великой Степи было много, и название мне ничего не говорило. А это, в свою очередь, означало, что посланник не является слишком уж важной персоной в Орде. Молодой вождь малоизвестного племени. Орда явно не желала тратить на меня слишком много почета и уважения.

— Моими устами говорит с тобой Великий вождь и Повелитель всей Степи могучий Глуум, чей клинок напоен кровью врагов его, чьи стрелы не знают промаха, чье войско подобно...

Похоже, это надолго. Хвала Создателю Тьмы, это все же не гномье посольство. Те весь день могут перечислять свою родословную с момента сотворения Мира Творцом до наших дней, и попробуй их прерви. По гномьим понятиям, чем длиннее список предков, тем знатнее род, и, перечисляя имена своих славных бородатых родичей, гном оказывает немалую честь собеседнику. А заодно доступно намекает этому тупице, с каким достойным гномом свела его судьба. Стоп, о чем там полсол?

— ...Уничтожь северных ублюдков, позорящих имя орков, вырежи им сердца и скорми своим волкам. И тогда Великий Глуум примет тебя как брата, и весь мир от края до края будет принадлежать вам двоим!

Что??? Этот сын степей и Багровой Луны предлагает мне ни много ни мало, как перерезать моих не слишком верных, но все же союзников? Точнее, предлагает не он, а Глуум, Великий вождь и Повелитель. Этот Гуурваг всего лишь посол, но все же каков наглец! А я-то думал, меня в простой совместный набег звать собрались...

— Если же ты боишься силы тех, что не достойны называться орками, то Великий вождь Глуум сам приведет свое войско в эти пустынные земли и сам уничтожит этих вырожденков. Ты же в знак дружбы дашь ему своих воинов и еды для войска Великой Степи. Тогда ты сумеешь сохранить свою власть в этих землях и дружбу Глуума, Великого вождя и Повелителя всей Степи! Великий Глуум ждет ответа. Думай, других предложений не будет!

Признаться, таких ультиматумов я давненько не слышал. Фактически мне сейчас предлагали склониться перед каким-то степным царьком. Угрожая войной в случае отказа. Интересно, очень интересно. Но неужели Глуум всерьез собирается идти в поход на Черный замок? Степняки и орки Севера действительно относились друг к другу с мало скрываемым презрением. Северяне считали южных сородичей мелкими слабаками, позорящими само имя орков, а южане любили порассуждать о тупых отмороженных громилах. Были между ними небольшие стычки, но происходили таковые в основном во время случайных встреч в людских землях. А вот открытой войны между Степью и Пустошами история не знала. Так что врешь ты, Гуурваг. Будут другие предложения, еще как будут. Но, похоже, не сейчас.

И говорить о них я буду не с тобой, а с самим Глуумом. С тобой сейчас говорить особо не о чем. Все, что тебе сказали, ты передал, так что пора заканчивать эту пафосную говорильню. Вот только отвечу, невежливо оставлять без ответа речи посла, даже самые бредовые. Я гордо выпрямился на троне, надеясь, что выгляжу достаточно внушительно по меркам орков.

— Ступай, Гуурваг-аб-Нуур из племени Багровой Луны, и передай мой ответ Великому вождю Глууму! Орки Пустошей всегда были моими друзьями и союзниками. Угрожать им — значит угрожать мне! А угрозы я не боюсь. Север видел немало вождей, желающих покорить его. Большинство их здесь и остались. На радость моим волкам. Напомни это Глууму, прежде чем мы станем врагами!

Орочье посольство выслушало мой ответ в мрачном молчании. Когда под сводами зала замолкли последние отзвуки моего голоса, молодой вожак открыл было рот, явно для того, чтобы возразить. Однако закончить речь Гуурвагу-аб-как его там не дали.

Один из стоявших за спиной посла шаманов резко шагнул вперед, ткнул в мою сторону посохом и вскинул левую руку. Украшавший запястье браслет сверкнул какой-то подвеской, и из навершия посоха в сторону трона ударила струя зеленого пламени. На мгновение став видимым, с треском лопнул магический щит. Замковый маг, поддерживавший его, со стоном осел на пол. Второй шаман тут же взмахнул руками, и в сторону трона полетел сгусток не пойми чего, в полете разделившийся на три зазубренные молнии, дружно ударившие в чер-

ную фигуру, сидящую на троне. Драконьи головы в ответ изрыгнули две струи пламени, превратившиеся в укrywшую меня огненную стену. Но полностью погасить удар степного колдуна они не смогли. Я ощутил сильнейший удар в грудь, чуть не рухнул с трона, но сумел удержаться. Морок на троне повторил мои движения, взмахнул руками и изрядно перекоксился. Шаман с яростным ревом воздел руки над головой, явно намереваясь добить мое изображение, а первый крутанул посохом перед собой, вызвав черный смерч, который сбил с ног ближайших из кинувшихся на степного колдуна стражников и заставил остальных отшатнуться, закрываясь щитами. Но время было упущено. Из неприметных проходов на помощь страже уже торопились остальные мои телохранители и еще несколько магов с жезлами и амулетами наготове. Тревожно ревели сигнальные рога, лязгали оружие и доспехи. Посланная вбежавшим магом молния с треском отразилась от проклятого посоха и ударила назад, свалив своего незадачливого создателя. Один из степных колдунов снова метнул в фигуру на троне зеленое пламя, но в этот раз оно надежно увязло в восстановленном уцелевшими волшебниками магическом щите. И тут Гуурваг-аб-Нуур наконец сообразил, что на переговоры посланное происходящее в зале уже явно не похоже, даже по орочьим понятиям. Он вырвал из ножен тускло блеснувший кривой клинок и со страшным ревом обрушил его на голову ближайшего шамана. Тот отскочил в сторону, ловко вывернувшись из-под удара, но в это время в спину степного колдуна врезался огненный шар, посланный еще одним из подоспевших замковых магов. Шамана охватило яркое пламя, он взвыл, рухнул на пол, забился, но быстро затих, превратившись в кучку чадающего пепла рядом с догорающим посохом. Гуурваг недолго думая тут же рубанул другого шамана. Тот закрылся посохом, сверкнула еще одна вспышка, посох переломился, но и Гуурваг отлетел на несколько шагов, упал и больше не двигался. Орки охраны, до этого времени не торопившиеся вступать в бой, увидели, что их предводитель наконец определился с врагом, и ринулись толпой к уцелевшему шаману, размахивая клинками. Тот попытался ударить по соплеменникам еще одним заклинанием, но не успел. Два отточенных тяжелых наконечника проббили его насквозь, и шаман повис на копьях моей стражи. Зевак и бездельников из зала как ветром сдуло, зато заметно прибавилось черных доспехов, разбавленных кое-где балахонами магов. Шеренга стражников за-

крыла щитами путь к трону, на котором все еще криво восседал морок. С десятков рыцарей остались в дверях, отрезая путь из зала, на тот случай, если орки попробуют прорваться наружу. Остальные воины окружили вставших в круг и ошестинившихся клинками зеленокожих. Лезть под удар первым никто не хотел, и схватка на несколько мгновений замерла, что дало мне шанс вмешаться.

— Приказываю всем не двигаться! — громыхнул вставший во весь рост морок, поднимая к потолку руку с выхваченным мечом. Следовало спешить. Заклинания шаманов нарушили мою связь с полупризрачным двойником, мощи камней в троне явно не хватало, и я поддерживал морок с большим трудом. Грудь болела, в горле першило, но не хватало еще, чтобы Владыка лопнул, как мыльный пузырь, на глазах остатков посольства. — Всем стоять! — повторил я для убедительности. Затем развернулся к оркам: — У воинов Великой Степи не осталось храбрости, чтобы напасть открыто? Кто вы, посмевающие явиться под личиной послов?

Упреки в трусости по законам Великой Степи обычно смываются кровью оскорбителя, но сейчас орки угрюмо помалкивали. Лишь их горящие злобой глаза поблескивали из-под низких кованых шлемов. По всем законам Степи послы были неприкосновенны, но и сами они не могли нападать первыми. Тем более так, используя боевую магию вместо доброго клинка. Их предводитель продолжал валяться на полу грудой мяса и доспехов и явно не был способен к разговорам в ближайшее время.

— Мы послы Великого вождя Глуума, — прервал затянувшуюся паузу один из орков. — Мы ехали для переговоров.

— И попытались меня убить!

— Тебя пытались убить шаманы! Мы воины, а не колдуны! Если бы мы захотели тебя убить, то сделали бы это, хо! Твои людишки с их черным железом нас не остановили бы. Но мы не напали вместе с шаманами, поэтому ты жив. Вот, я сказал.

По шеренге моих воинов прошел недовольный гул, сопровождаемый весьма красноречивым лязгом упомянутого железа. Я невольно усмехнулся. Орки всегда орки. Ведь видят же, что их в несколько раз меньше, и наверняка слышали, что в схватке мечник Черного замка, даже уступая орку в силе, превосходит его во владении оружием, а все туда же.

— Я не воюю с послами, но под видом послов вы привели ко мне убийц! Я буду думать, как мне с вами поступить. Заби-

райте своего вождя и ждите моего решения в своем лагере. Тот, кто попытается покинуть его пределы без моего разрешения, — умрет. Ступайте, я все сказал!

Орки потоптались на месте, угрожающе сопя, но сила была на моей стороне. После покушения я мог их всех перебить прямо в тронном зале, и никто бы меня в этом не упрекнул. Они это понимали. Так что, еще немного поворчав, зеленокожие взвалили своего вождя себе на плечи и в окружении моей стражи потопали наконец из зала. Я устало вздохнул и развеял ненужный более морок. Хорошие нынче посольства в Великой Степи, не соскучишься.

Пока тронный зал оттирали от копоты и того, что осталось от шаманов, я провел небольшое совещание со своими ближайшими советниками. Все, включая меня, были в полном недоумении из-за произошедшего. К тому же большинство моих сподвижников из числа людей впервые увидели в действии магию орков. Нельзя сказать, что нас запугали до жути, но приподнятой атмосферу совещания назвать было трудно. От идеи перерезать в отместку оставшихся орков отказались довольно быстро, но предложений, что делать дальше, тоже не появилось. На мой вопрос, как случилось, что магическая защита не сработала, магистр Мортимус, считающийся старшим среди магов замка, только развел руками. С таким колдовством ни он, ни другие наши маги еще не сталкивались. Волшебники надеялись выяснить хоть что-то, покопавшись в уцелевших амулетах и оберегах шаманов, но я особо на это не рассчитывал. Впрочем, попробовать стоило. Орочья волшба довольно грубая и должна оставлять за собой хорошо ощутимый для сведущего чародея след. На месте разрушенного Когтя следов шаманства орков я не обнаружил. Как и следов темной магии, там поработало что-то другое. Я снова вспомнил то мимолетное ощущение, что уловил в камнях разрушенной башни. То самое смутно знакомое нечто, с чем я очень давно не сталкивался. Я что-то упустил, хотя оно было у меня на виду, но никак не мог понять что. Это порядком злило. А сегодняшнее происшествие не способствовало восстановлению душевного равновесия и ясности мысли. В итоге я распустил совет, так и не приняв никаких решений. Что же до орков, то я распорядился пира для послов не устраивать, какие тут пиры, да и послов осталось не густо. Заготовленными для пира яствами я милостиво одарил верную стражу, доказавшую свою преданность и храбрость.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая	5
Часть вторая	44
Часть третья	162
Часть четвертая	204
Часть пятая	278